

## Гражданские общины Ликии в IV–III вв. до н. э.

© Д.А. Баранов<sup>1</sup>, Р.А. Черенков<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Воронежский государственный университет инженерных технологий,  
Воронеж, 394036, Россия

<sup>2</sup>Институт фундаментальных проблем социогуманитарных наук НИЯУ МИФИ,  
Москва, 115409, Россия

*Исследован процесс генезиса и эволюции полисов в Ликии. Отмечено, что небольшое территориальное образование на юго-западе Малой Азии, входившее в состав многонациональной и крайне неоднородной империи Ахеменидов, представляет интерес местной спецификой формирования пространства гражданских общин греческого образца. Показано, что, несмотря на некоторые институциональные особенности, ликийские гражданские общины имели целый ряд принципиальных сходств с большинством полисов в иных частях Малой Азии. Для изучения происхождения ликийской полисной организации проанализирована эволюция поселений в классический и эллинистический периоды, рассмотрены отношения между городами и сельской периферией, а также дана оценка местной политической ситуации в IV в. до н. э. Некоторые из наблюдаемых изменений в структуре поселений и появление сельского населения в лице периэков, тесно связанных с городами, представляются интересным показателем процесса зарождения общинной полисной организации.*

**Ключевые слова:** Ахемениды, Ликия, Малая Азия, периэки, полис, эллинизм

В противовес традиционной тенденции рассматривать эллинистический период как эпоху упадка полиса или как неблагоприятную почву для изучения его институтов с конца XX столетия в научной литературе появилась тенденция подчеркивать жизнеспособность гражданских полисных структур [1, 2] и указывать на то, что в некоторых частях Восточного Средиземноморья настоящий подъем полисной организации происходит в позднейшее время. В соответствии с этими взглядами обратим внимание на маргинальное место в зоне греческого влияния, Ликию, где конец классического периода скорее совпадает с началом образования и расцвета полисных общин [3]. Парадоксально, но традиционно считается, что, несмотря на кризис полисных институтов, одним из следствий влияния македонского империализма было распространение этих общинных структур. Прямым итогом данного процесса являлось основание новых городов и расширение влияния греческой культуры. Однако в Ликии, как будет показано далее, развитие полиса — не просто продукт греческого влияния, утвердившегося после завоевания городов этой страны македонцами, но результат более сложного и длительного процесса [4].

**Структурные элементы полисов в Ликии.** В III в. до н. э. ликийские города уже были наделены теми же институтами, которые находились в большинстве малоазийских полисов того времени. Это следует из итогов анализа эпиграфических источников. Большинство рассматриваемых в рамках статьи надписей содержится в корпусе *Tituli Asiae Minoris I–II* (далее — TAM), а также в классическом корпусе греческих надписей *Supplementum Epigraphicum Graecum* (далее — SEG). Проанализируем лишь некоторые из ключевых сообщений эпиграфических источников. Из текстов полисных постановлений следует, что ликийцы посещают народные собрания (постановление «эκκλησίας курии» и политов Тельмесса в TAM II, 1, 5–7: ἐκκλησίας κυρίας γενομένης, ἔδοξε Τελμησσέων [τῆ] πόλει; постановление народного собрания Ксанфа в TAM II, 262, 6–7: ἐκκλησίας γενομένης ἔδοξε) [5, s. 201, 202], назначают магистратов (архонты и эпимелет Ксанфа в SEG XXVII, 942, 3–4: ἄρχοντας Λυκίας καὶ Ξάνθου ἐπιμελητήν), издают указы о присвоении почетных званий эвергетов и проксенов (см. надписи в TAM II, 158, 6–7: εἰς τὸν δῆ[μον τὸν Λισσαίων καὶ εἶναι αὐτὸν εὐεργέτην]), принимают решение о предоставлении прав гражданства [6, s. 44; 7, p. 31], наделяют правом владения недвижимостью (TAM II, 2: πολιτείαν καὶ ἔγκτησιν καὶ μετέχειν αὐτοὺς πάντων τῶν κοινῶν), а также предоставляют налоговую элевтерию (TAM II, 159). Ликийские полисы имеют некоторые очевидные политические особенности. Выделяется повсеместное отсутствие полисного совета (булэ). Из перечисленных текстов следует особенно видное положение архонтов среди прочих полисных чиновников. Наиболее ранний документ («Летоонская трилингва», 330-е годы до н. э.) демонстрирует включение перизков совместно с гражданами в полисные постановления (SEG XXVII, 942: ἔδοξε δὲ Ξανθίοις καὶ τοῖς περὶοίκοις) [8, pp. 14–16].

Становится очевидным, что все эти сообщества представляют собой общины, организованные по образцу греческих полисов эллинистического времени [9, s. 37–52; 10, 11]. Как и многие другие эллинистические полисы, ликийские общины пользуются относительной автономией, обусловленной подчинением государству Лагидов. Хотя Ликия не принадлежала к ядру империи Птолемея (Египет, Кипр, Киренаика, Сирия и Финикия), она входила в группу владений, которые, после упомянутых, находились под более непосредственным контролем и управлением. Имеются свидетельства присутствия военных гарнизонов (TAM II, 263), высокопоставленных чиновников, отвечавших за финансовое управление и сбор налогов в виде десятины (TAM II, 1: κατὰ τὸν [νό]μον τελεῖν δεκάτην μετροῦντας νατα), а также, возможно, за предоставление определенных преференций из Александрии [6, s. 44; 10, p. 109].

В письме Птолемея III к жителям столичного города Ксанф можно отметить отражение лояльности, проявленной городами Ликии к царям в рамках типичных отношений монархического эвергетизма [7, pp. 22–24]. В иной надписи из Тельмесса [5, s. 201, 202] Птолемей II даже считает, что у него имеется власть нарушить правила, регулирующие такого рода отношения. Из текста ясно, что царь против воли жителей осуществляет попытку передать город в качестве δωρεά (дара) третьей стороне. Такая политика приводит к протестам и откровенному восстанию горожан. Из этого эпизода становится предельно понятным, что к началу III в. до н. э. в Тельмессе укоренились не только институты греческого полиса, но и представление о городе и его территории, рассматриваемой жителями в качестве политически независимой и автономной единицы. Об этом обстоятельстве красноречиво свидетельствует фраза, содержащая угрозы всякому, кто попытается посягнуть на полис тельмессцев, комы или какую-то часть хоры (ТАМ II, 1). Сведения о тесных связях Тельмесса с Птолемеями зафиксированы в работе «История Рима» Тита Ливия (Liv. XXXVII, 56, 4: Тельмесс и Лагерь тельмессцев, кроме земли, ранее принадлежавшей Птолемею / *Telmesson item nominatim et castra 1Telmessium, praeter agrum, qui Ptolemaei fuisset*).

**Структура поселений Ликии и данные археологии.** Изучение имеющихся археологических данных показывает, что между классическим и эллинистическим периодами в структуре поселений Ликии произошел ряд существенных трансформаций [12, s. 43–54]. Активные центры классического периода (V–IV вв. до н. э.) стали менее населенными или даже заброшенными. В местах, где существовали поселения схожего размера и характеристик, эта однородность исчезает, поскольку кризис одних из них совпадает с подъемом других. Новые крупные города становятся растущими центрами территориального развития и притяжения населения сельскохозяйственной округи [11]. Следует отметить, что вывод авторов настоящей статьи в отношении характера развития структуры поселений Ликии является предварительным. Достоверные археологические данные о различных районах Ликии отличаются крайней степенью неполноты. Археологические раскопки в Ликии носят неравномерный характер и не позволяют составить детальную картину. Отметим, что уже проведенные полевые исследования имеют неодинаковый набор целей и задач. Ситуация усугубляется и тем, что в Ликии достаточно большие региональные различия, поэтому экстраполировать данные с одного объекта или района на другие представляется крайне рискованным. Кроме того, существует проблема нехватки информации по эллинистическому периоду, поскольку многие остатки материальной культуры этого времени были уничтожены имперскими постройками [12, s. 43–45].

Территории важнейших городов значительно выросли в последней четверти IV в. до н. э. Помимо увеличения размеров, произошли другие изменения во внешнем облике как старых, так и новых поселений. Осуществляется заметный переход от сильно укрепленных незначительных центров, организованных вокруг внутренней крепости, к городам с пространствами и зданиями, типичными для полисной застройки (храмы, театры, агоры). Кроме того, наблюдается тенденция к занятию низин. Если классические центры всегда располагались в высоких и весьма труднодоступных местах, что диктовалось оборонительными потребностями, то города эллинистического времени раскинулись преимущественно на равнине. Подобное также можно утверждать в отношении небольших сельских поселений (ферм, хуторов, деревень), которые в классический период обычно располагались на крутых склонах, если только они не находились рядом с крепостью. В эллинистический период малые поселения были уже гораздо ближе к возделываемым территориям. В этом смысле стоит отметить распространение башенных сооружений с участками, размещавшимися не столько в военно-стратегических целях, сколько для их сельскохозяйственной эксплуатации. Наконец, в эллинистический период возросло значение прибрежных районов, где были созданы порты торгового и военного назначения [12, с. 43–54].

**Сельскохозяйственная хора и полис в Ликии.** В настоящее время найдено несколько надписей позднеклассического и раннеэллинистического периодов, отражающих крайне тесные отношения между сельским населением и городами. В декретах из Ксанфа, Лимиры и Тельмесса появляются периферийные лица, которые отличаются от граждан, но, как ни парадоксально, выступают вместе с ними при обнародовании декретов [5, с. 201–203; 6, с. 44]. Происхождение этих перiezков и характер их отношений с гражданами интерпретируются в литературе по-разному. Для одних авторов важно то, что они участвуют в решениях полиса, поэтому они должны обладать полными гражданскими правами, а их дифференциация — это простое отражение ситуации прошлого периода времени [5, с. 236–246]. Для других ученых, напротив, именно это различие является решающим. Предполагалось, что включение перiezков в декреты происходило только в особых случаях, а сами они были неполноценным аграрным населением округа, не пользовались правами собственности и платили дань городу [13; 14, с. 51–57; 15, pp. 111–130]. Отметим, что перiezки не были пришельцами-резидентами или метеками, но имели очень тесные связи с полисом и относились к сельской периферии городов [15, p. 225].

В двух рассмотренных надписях авторы настоящей статьи склонны видеть упоминания предполагаемых представителей перiezков или членов негражданской общины близ Лимиры. Один из таких памятников

представляет собой декрет в честь эвергета Лимиры Пуриматия Масата, в котором указана община Перни. Она представлена как койнон (не полис), и перечислены общинные «боги перниотов» (SEG XLI, 1979). Другой документ — очень фрагментированный текст письма, возможно, адресованного Александром (или одним из его преемников) городу Лимире. В этом документе написано об общине перниотов и времени Перикла (SEG XLI 1382), являвшегося династом города Лимиры первой половины IV века до н. э. [16, s. 225].

Представляется логичным связать изменения, которые наблюдаются в структуре расселения, с появлением тесно связанного с городами сельского населения. Некоторые из этих изменений указывают на процесс концентрации населения вокруг городов как за счет включения периферийных центров в новое полисное ядро, так и за счет расширения городов на сельскую периферию. Однако термин «перизки» можно рассматривать как иллюстрацию мира, в котором центром является город, а жители соседних земель — не более чем «живущие поблизости». Такие трансформации характерны для ситуации, при которой значение городского образа жизни возрастает по отношению к сельскому, что в конечном счете создает благоприятные условия для возникновения полисных общин по греческой модели.

#### **Причины трансформаций и появления ликийского полиса.**

Можно предположить, что все рассмотренное связано с изменениями, которые традиционно относят к эллинистическому периоду в Малой Азии. По мере роста значения городов как следствия новой экономической динамики и политики расширения их прав и возможностей со стороны монархов изменениям подверглись их социально-экономические институты, что зримо накладывалось на распространение греческой культуры, облегчавшей принятие нововведений [4]. Но, несмотря на то что точку зрения о решающем влиянии фактора греко-македонского завоевания на генезис полиса разделяют не все исследователи [17, pp. 156–157], авторы настоящей статьи не могут найти в этих изменениях коренных причин некоторых явлений по хронологическим мотивам. Во-первых, перизки уже были задокументированы в середине IV в. до н. э. Во-вторых, археология подтверждает письменные источники и фиксирует изменения в пространстве хоры крупнейших полисов региона. Можно предположить, что многие изменения, особенно экономические, которые обычно связывают с завоеванием Александра, на самом деле начались раньше, во времена правления Ахеменидов [18, s. 5–20].

В классический период, примерно до середины IV в. до н. э., в Ликии доминировали представители местной аристократии (родовые династии). На западе полуострова господствовала династия Гарпагидов с резиденцией в Ксанфе, а на востоке был известен Перикл Лимирский. В Лимире и Ксанфе они сооружали погребальные столбы,

герооны, саркофаги и чеканили монеты, многочисленные образцы которых дошли до настоящего времени из целого ряда незначительных центров [19]. Династию Гарпагидов поддерживали персидские завоеватели, предоставляя им значительную внутривластную автономию [20, pp. 55–80; 21, p. 109]. Среди членов этой элиты, по-видимому, существовала сложная паутина властных отношений, в которой ключевую роль играли кровные узы. Возникавшее политическое равновесие было крайне хрупким и легко могло быть нарушено экспансионистскими амбициями некоторых династов. К середине IV в. до н. э. династ Перикл Лимирский поднимает восстание против персов и захватывает западную часть региона [22, s. 27–50; 23, pp. 148–170]. Многочисленные центры власти сосуществовали в более или менее иерархической модели соподчинения. Погребальные надписи этого времени не демонстрируют политической роли полиса, а лишь упоминают институт (лик. *minti*), отвечавший за сохранность некрополей [21, p. 121; 22, s. 11–20].

Радикальные изменения произошли во второй половине IV в. до н. э. Исчезли династы, от которых не осталось ни монет, ни следов в надписях и литературных источниках о завоеваниях Александра [23, s. 171–175; 24, s. 136]. Ксанф, напротив, представляет себя как полис и издает декрет, начинающийся с той же формулы, что и декреты периода Птолемеев, в которых прямо упоминаются собрание и магистраты, хотя, в отличие от эллинистических декретов, они написаны не только на греческом, но и на ликийском и административном арамейском языках (см. выше). Еще одним новшеством является тот факт, что ниже сатрапов Карики и Ликии стоят два архонта Ликии и наместник (эпимелет) Ксанфа. Кроме того, можно отметить, что принятое горожанами решение требует ратификации сатрапа [23, s. 170–175; 25, s. 104–106].

Таким образом, все указывает на то, что примерно в середине IV в. до н. э. персы отстранили династов от власти и установили более прямую и непосредственную систему господства. Причиной такой реформы могла быть поддержка местными локальными царьками восстания сатрапов [26, s. 19–39]. Персов не устроило бы господство одного из династов над слишком обширной территорией, что грозило поставить под вопрос власть Персеполя. На передачу власти Гекатомнидам могла повлиять и общая политическая нестабильность, вызванная междоусобицей среди местных династов. В любом случае интересно то, что под пристальным контролем своих представителей персы поддерживали в городах политические системы греческого типа. Это неудивительно, учитывая, что они оставили Ликию в руках карийской династии Гекатомнидов, которая была движущей силой важного процесса эллинизации в Карики. Возможно, Гекатомниды были вовлечены не только в создание новых институтов, но и в реорганизацию

территории, в ходе которой города получили бы контроль над четко определенными хорами (сельскохозяйственными угодьями). Следует помнить, что в Карию Мавсол уже объединил политически вокруг Галикарнаса территории, которые до этого были связаны с городом иными узами. Однако можно представить, что Гекатомнидам было гораздо проще навязать свою власть новым полисным режимам, чем могущественным династам, отношения с которыми напоминали бы отношения равных. Предположительно, новая ситуация привела к упадку крепостей второго уровня, которые до сих пор доминировали на небольших территориях. Эти династические резиденции теперь перешли под непосредственный контроль городов, где была сосредоточена политическая власть полисного гражданского коллектива.

Продолжая развивать данную гипотезу, можно сделать вывод о том, что сельское население, которое уже было связано с городами (небольшими укрепленными резиденциями династов V в. до н. э.), от которых они зависели напрямую или косвенно, получало связи с городом как постоянное население хоры и неотъемлемая часть гражданского коллектива. Новая политическая система городов и их территорий открыла этим жителям или какой-то их части возможность участвовать в принятии решений полиса: это *regioi*koí. Любопытный факт их отличия от граждан может быть обусловлен несколькими причинами. Быстрота и некоторая искусственность перемен могли привести к тому, что городские и сельские слои населения, которые до этого не отличались сплоченностью, оказались объединены в новых политических рамках, что отразилось в терминологии декретов. Возможно также, что эта терминология отражала какую-то ситуацию династической эпохи. Социально-политические различия между категориями населения могли быть обусловлены неравным вкладом в дань, собиравшуюся династами для персидского царя [21, р. 101]. К концу IV в. до н. э. эти различия между городскими жителями, гораздо более связанными с династическим двором, и сельскими жителями, далекими от политической власти и занимающимися сельским хозяйством, стали сглаживаться. В какой мере сохранялось неравенство в полисе, представляется уже другой совокупностью вопросов.

В заключение можно отметить, что процесс формирования ликийского полиса, по-видимому, был связан с особыми обстоятельствами, в которых политическое вмешательство извне оказывало очень существенное влияние. Конечно, это не означает, что не следует принимать во внимание другие факторы. Нельзя исключать, например, что в городах могли существовать оппозиционные династам движения. Возможно также, что в IV в. до н. э. определенные экономические тенденции и давнее влияние греческой культуры подготовили почву для политических перемен. Также вероятно, что экономическое

возрождение и возрастание темпов греческой аккультурации в эллинистический период повлияли на окончательную конституцию ликийских полисов. Генезис политико-институциональных рамок для полиса, связанных с ситуацией иностранного господства (Гекатомниды, греко-македонцы), по-видимому, в значительной степени опережал экономические, социальные и культурные изменения. Как следствие, некоторые изменения в структуре расселения, а также появление периферийного сельского населения (перизков), тесно связанного с городами, являются не столько причиной, как может показаться на первый взгляд, сколько следствием формирования полиса. Наконец, итогом этих сложных процессов может быть тот необычный факт, что сельское население политически отличается от горожан, но при этом имеет право голоса при принятии решений в полисе. По мнению авторов настоящей статьи, это важное следствие процесса формирования ликийского полиса могло возникнуть из-за того, что он шел по модели ἄστυ (династический город-крепость рубежа V–IV вв. до н. э.) плюс χώρα (сельскохозяйственная округа династических крепостей, включенная в пространство новых полисных центров). Такой сценарий объединения аграрной округи и ее жителей (перизков) с городским полноправным населением вполне отвечает модели синойкизма города Галикарнаса при Мавсоле [26, с. 19–50]. Типичным примером синойкизма была центральноликийская Кианея [27]. В Ликии этот процесс мог запустить его сын Пиксодар, что объясняет содержание «Летоонской трилингвы», где перизки и горожане наделяются равными правами. Современные данные археологии подтверждают этот вывод.

## ЛИТЕРАТУРА

- [1] LaBuff J. The Peoples of Anatolia. *Brill Research Perspectives in Ancient History*, 2022, no. 3, pp. 1–125.
- [2] Gauthier P. *Les cités grecques et leurs bienfaiteurs (IVe-Ier s. av. J.-C.)*. Paris, Ecole Française d'Athènes, 1985, 246 p.
- [3] Börm H., Luraghi N. *The Polis in the Hellenistic World*. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2018, 264 p.
- [4] Tarn W.W., Griffith G.T. *Hellenistic Civilisation*. London, Edward Arnold, 1966, 372 p.
- [5] Wörrle M. Epigraphische Forschungen zur Geschichte Lykiens II. *Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts*, 1978, Bd. 8, S. 201–246.
- [6] Wörrle M. Epigraphische Forschungen zur Geschichte Lykiens II. *Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts*, 1977, Bd. 7, S. 43–66.
- [7] Bousquet J. Lettre de Ptolémée Evergete a Xanthos de Lycie. *Revue des études grecques*, 1986, vol. 99, pp. 22–32.
- [8] Bousquet J. La stèle des Kyténiens au Létôon de Xanthos. *Revue des études grecques*, 1988, vol. 101, no. 480–481, pp. 12–53.

- [9] Quass F. Zur Verfassung der griechischen Städte im Hellenismus. *Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts*, 1979, Bd. 9, S. 37–52.
- [10] Bagnall R.S. *The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt*. Leiden, Brill, 1976, 286 p.
- [11] Marksteiner T. *Lykien. Ein archäologischer Führer*. Wien, Phoibos-Verlag, 2010, 215 S.
- [12] Kolb F., Kupke B. *Geschichte Lykiens im Altertum*. Mainz, P. von Zabern, 1992, 80 S.
- [13] Lotz H. Die Trilingue vom Letoon und das lykische Geldsystem. *Klio*, 2024, vol. 106, pp. 442–501.
- [14] Hahn I. Perioken und Periokenbesitz in Lykien. *Klio*, 1981, vol. 63, pp. 51–61.
- [15] Domingo Gygaх M. Los periecos licios (siglos IV-III a.c.). *Gerión*, 1991, vol. 9, pp. 111–130.
- [16] Wörrle M. Epigraphische Forschungen zur Geschichte Lykiens IV. *Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts*, Bd. 21, 1991, S. 203–239.
- [17] Briant P. *Rois, tributs et paysans: études sur les formations tributaires du Moyen-Orient ancien*. Paris, Presses Univeau Franche-Comté, 1982, 537 p.
- [18] Weinberg J.P. Bemerkungen zum Problem «der Vorhellenismus im Vorderen Orient». *Klio*, 1976, vol. 58, pp. 5–20.
- [19] Müseler W., Schürr D. Zur Chronologie in den Inschriften auf dem Agora-Pfeiler von Xanthos (TL 44), den betroffenen Dynasten und ihren Münzen. *Klio*, 2018, vol. 100, pp. 381–406.
- [20] Childs W.A.P. Lycian relations with Persians and Greeks in the fifth and fourth centuries re-examined. *Anatolian Studies*, 1981, vol. 31, pp. 55–80.
- [21] Bryce T.R. *The Lycians in Literary and Epigraphic Sources*. Copenhagen, Museum Tusculanum Press, 1986, 273 p.
- [22] Zimmermann M. *Untersuchungen zur historischen Landeskunde Zentrallykiens*. Bonn, Habelt, 1992, 282 S.
- [23] Keen A. *Dynastic Lycia. A Political History of the Lycians and Their Relationships with Foreign Powers, c. 545-362 B.C.* Leiden, Brill, 1998, 268 p.
- [24] Hoff C. *Identität und Politik. Kollektive kulturelle und politische Identität der Lykier bis zur Mitte des 4. Jahrhunderts v. Chr.* Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2017, 658 S.
- [25] Tietz W. *Der Golf von Fethiye: Politische, ethnische und kulturelle Strukturen einer Grenzregion vom Beginn der nachweisbaren Besiedlung bis in die römische Kaiserzeit*. Bonn, Habelt, 2003, 394 S.
- [26] Domingo Gygaх M. *Untersuchungen zu den lykischen Gemeinwesen in klassischer und hellenistischer Zeit*. Bonn, Habelt, 2001, 257 S.
- [27] Kolb F. *Burg-Polis-Bischofssitz. Geschichte der Siedlungskammer von Kyaneiai in der Südwesttürkei*. Mainz, Verlag Philipp von Zabern, 2008, 482 S.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Баранов Д.А., Черенков Р.А. Гражданские общины Ликии в IV–III вв. до н. э. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 5. EDN FHIGDC

**Баранов Дмитрий Александрович** — канд. истор. наук, доцент кафедры «Философия и история» Воронежского государственного университета инженерных технологий. e-mail: baranovdmitry1987@mail.ru

**Черенков Роман Александрович** — канд. истор. наук, доцент кафедры истории (№ 52) Института фундаментальных проблем социогуманитарных наук НИЯУ МИФИ.

## **Civic Communities of Lycia in the 4th–3rd Centuries BC**

© D.A. Baranov<sup>1</sup>, R.A. Cherenkov<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, 394036, Russia

<sup>2</sup>Institute for Fundamental Problems of Socio-Humanitarian Sciences, MPhI, Moscow, 115409, Russia

*The paper examines the process of genesis and evolution of poleis in Lycia. A small territorial entity in southwestern Asia Minor, which formed part of the multinational and highly heterogeneous Achaemenid Empire, was noted to be of interest due to the local specificity of the formation of space for Greek-type civic communities. Despite certain institutional peculiarities, Lycian civic communities are shown to have shared a number of fundamental similarities with most poleis in other parts of Asia Minor. To explore the origins of Lycian polis organization, the evolution of settlements in the Classical and Hellenistic periods was analyzed, the relationships between cities and their rural peripheries were examined, and the local political situation in the 4th century BCE was assessed. Some observed changes in settlement structures and the emergence of rural populations in the form of periokoi, closely linked to the cities, are seen as an interesting indicator of the emergence of communal polis organization.*

**Keywords:** Achaemenids, Lycia, Asia Minor, periokoi, polis, Hellenism

### REFERENCES

- [1] LaBuff J. The Peoples of Anatolia. *Brill Research Perspectives in Ancient History*, 2022, no. 3, pp. 1–125.
- [2] Gauthier P. *Les cités grecques et leurs bienfaiteurs (IVe-Ier s. av. J.-C.)*. Paris, Ecole Française d'Athènes, 1985, 246 p.
- [3] Börm H., Luraghi N. *The Polis in the Hellenistic World*. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2018, 264 p.
- [4] Tarn W.W., Griffith G.T. *Hellenistic Civilisation*. London, Edward Arnold, 1966, 372 p.
- [5] Wörrle M. Epigraphische Forschungen zur Geschichte Lykiens II. *Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts*, 1978, Bd. 8, S. 201–246.
- [6] Wörrle M. Epigraphische Forschungen zur Geschichte Lykiens II. *Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts*, 1977, Bd. 7, S. 43–66.
- [7] Bousquet J. Lettre de Ptolémée Evergete a Xanthos de Lycie. *Revue des études grecques*, 1986, vol. 99, pp. 22–32.
- [8] Bousquet J. La stèle des Kyténiens au Létôon de Xanthos. *Revue des études grecques*, 1988, vol. 101, no. 480–481, pp. 12–53.
- [9] Quass F. Zur Verfassung der griechischen Städte im Hellenismus. *Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts*, 1979, Bd. 9, S. 37–52.
- [10] Bagnall R.S. *The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt*. Leiden, Brill, 1976, 286 p.
- [11] Marksteiner T. *Lykien. Ein archäologischer Führer*. Wien, Phoibos-Verlag, 2010, 215 S.

- [12] Kolb F., Kupke B. *Geschichte Lykiens im Altertum*. Mainz, P. von Zabern, 1992, 80 S.
- [13] Lotz H. Die Trilingue vom Letoon und das lykische Geldsystem. *Klio*, 2024, vol. 106, pp. 442–501.
- [14] Hahn I. Perioken und Periokenbesitz in Lykien. *Klio*, 1981, Bd. 63, S. 51–61.
- [15] Domingo Gyax M. Los periecos licios (siglos IV-III a.c.). *Gerión*, 1991, vol. 9, pp. 111–130.
- [16] Wörrle M. Epigraphische Forschungen zur Geschichte Lykiens IV. *Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts*, 1991, Bd. 21, S. 203–239.
- [17] Briant P. *Rois, tributs et paysans: études sur les formations tributaires du Moyen-Orient ancien*. Paris, Presses Univeau Franche-Comté, 1982, 537 p.
- [18] Weinberg J.P. Bemerkungen zum Problem “der Vorhellenismus im Vorderen Orient”. *Klio*, 1976, Bd. 58, S. 5–20.
- [19] Müseler W., Schürr D. Zur Chronologie in den Inschriften auf dem Agora-Pfeiler von Xanthos (TL 44), den betroffenen Dynasten und ihren Münzen. *Klio*, 2018, Bd. 100, S. 381–406.
- [20] Childs W.A.P. Lycian relations with Persians and Greeks in the fifth and fourth centuries re-examined. *Anatolian Studies*, 1981, vol. 31, pp. 55–80.
- [21] Bryce T.R. *The Lycians in Literary and Epigraphic Sources*. Copenhagen, Museum Tusculanum Press, 1986, 273 p.
- [22] Zimmermann M. *Untersuchungen zur historischen Landeskunde Zentrallykiens*. Bonn, Habelt, 1992, 282 S.
- [23] Keen A. *Dynastic Lycia. A Political History of the Lycians and Their Relationships with Foreign Powers, c. 545–362 B.C.* Leiden, Brill, 1998, 268 p.
- [24] Hoff C. *Identität und Politik. Kollektive kulturelle und politische Identität der Lykier bis zur Mitte des 4. Jahrhunderts v. Chr.* Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2017, 658 S.
- [25] Tietz W. *Der Golf von Fethiye: Politische, ethnische und kulturelle Strukturen einer Grenzregion vom Beginn der nachweisbaren Besiedlung bis in die römische Kaiserzeit*. Bonn, Habelt, 2003, 394 S.
- [26] Domingo Gyax M. *Untersuchungen zu den lykischen Gemeinwesen in klassischer und hellenistischer Zeit*. Bonn, Habelt, 2001, 257 S.
- [27] Kolb F. *Burg–Polis–Bischofssitz. Geschichte der Siedlungskammer von Kyaneiai in der Südwesttürkei*. Mainz, Verlag Philipp von Zabern, 2008, 482 S.

**Baranov D.A.**, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of Philosophy and History, Voronezh State University of Engineering Technologies.  
e-mail: baranovdmitry1987@mail.ru

**Cherenkov R.A.**, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of History (No. 52), Institute for Fundamental Problems of Socio-Humanitarian Sciences, MEPhI, Moscow.